

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ГЕОПОЛИТИКИ

УДК 338.24.01

DOI 10.37468/2307-1400-2024-3-5-24

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Муслиенко Тамара Викторовна^{1,2}

Лукин Владимир Николаевич^{1,2}

*Хилл-Артамонава Елена*³

¹ Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, Санкт-Петербург, Россия

² Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия

³ Манчестерский столичный университет, Манчестер, Великобритания

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой аналитический обзор отечественных и зарубежных исследований стратегической культуры как инструмента гибридной войны по формированию идентичности в интересах политической элиты и как аналитического инструмента исследования проблем безопасности.

Цель исследования состоит в систематизации научных результатов соответствующих исследовательских работ, обобщении основных концептуальных и методологических решений в исследовании стратегической культуры как инструмента гибридной войны.

Методология. Используются принципы методологии системного подхода, сравнительного анализа, проведены анализ и обобщение исследуемых объектов с целью определения ведущих тенденций развития научного знания в сфере теории стратегической культуры.

Результаты. В статье показано, что в рамках четвертого поколения исследования стратегической культуры большая часть исследователей опирается на определение основных элементов стратегической культуры Джонстона как совокупности общих убеждений, предположений и моделей поведения, основанных на общем опыте и принятых представлениях (как устных, так и письменных), которые формируют коллективную идентичность и отношения с другими группами, и которые определяют соответствующие цели и средства для достижения целей безопасности.

Отражен поиск новых подходов ряда современных исследователей к концептуализации стратегической культуры и моделированию ее компонентов.

Особо отмечена значимость теоретической разработки проблемы, которая предстает в качестве одной из важнейших научно-исследовательских задач, что подтверждается повышением внимания к изучению стратегической культуры, особенно в кризисные периоды исторического и политического развития.

Показано, что в свое время в России не было по достоинству оценено значение этого инструмента и его эффективность, особенно применительно к постсоветскому пространству, в отношении которого США и Западом велась системная работа по трансформации сознания национальных элит и общественного сознания через продвижение искаженных исторических нарративов посредством реформирования национальных систем образования и соответствующих учебных программ, на первом этапе, и затем через развязывание информационной войны и применение иных инструментов гибридной войны, а в конечном итоге посредством создания реальных угроз национальной безопасности на втором этапе изменения стратегических культур этих стран.

В настоящее время остается востребованным и идет активное формирование эмпирической исследовательской базы как основы для дальнейшего развития основных положений теории стратегической культуры.

Аналитический обзор научной литературы подтверждает постепенное формирование соответствующей концептуальной и методологической базы исследования проблемы.

Ключевые слова: теория стратегической культуры, безопасность, гибридные войны, информационная война, идентичность, общественное сознание, политические элиты.

STRATEGIC CULTURE AS A TOOL OF HYBRID WARFARE

Musienko Tamara V.^{1,2}*Lukin Vladimir N.*^{1,2}*Hill-Artamonova Elena*³¹ St. Petersburg University of the State Fire Service of EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev, St. Petersburg, Russia² Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia³ Manchester Metropolitan University, Manchester, United Kingdom

ABSTRACT

The article is an analytical review of domestic and foreign studies of strategic culture as a tool of hybrid warfare for the formation of identity in the interests of the political elite and as an analytical tool for the study of security problems.

The aim of the project is to systematize the scientific results of relevant research works, generalize the main conceptual and methodological solutions in the study of strategic culture as a tool of hybrid warfare.

Methodology. The principles of the methodology of the systematic approach and comparative analysis are used, the analysis and generalization of the studied objects are carried out in order to determine the leading trends in the development of scientific knowledge in the field of the theory of strategic culture.

Results. The article shows that within the framework of the fourth generation of strategic culture research, most researchers rely on the definition of the main elements of Johnston's strategic culture concept as a set of common beliefs, assumptions and behaviors based on common experiences and accepted beliefs (both oral and written) that form collective identity and relationships with other groups, and which define the appropriate goals and means to achieve security objectives.

The search for new approaches by a number of modern researchers to the conceptualization of strategic culture and modeling of its components is reflected.

The importance of the theoretical development of the problem, which appears as one of the most important research tasks, is emphasized, which is confirmed by the increased attention to the study of strategic culture, especially during crisis periods of historical and political development.

It is shown that at time in Russia the importance of this tool and its effectiveness were not appreciated, especially in relation to the post-Soviet space, in relation to which the United States and the West conducted systematic work to transform the consciousness of national elites and public consciousness through the promotion of distorted historical narratives through the education system, at the first stage, and through the unleashing of information wars and other instruments of hybrid warfare, and ultimately, by creating real threats to national security at the second stage of changing the strategic cultures of these countries.

Currently, an empirical research base remains in demand and is actively being formed as a basis for further development of the main provisions of the theory of strategic culture.

An analytical review of the scientific literature confirms the gradual formation of an appropriate conceptual and methodological basis for the study of the problem.

Keywords: theory of strategic culture, security, hybrid wars, information warfare, identity, public consciousness, political elites.

Введение

Во многовековом непримиримом геополитическом противостоянии англосаксонской и славянской цивилизаций стороны в последние десятилетия по историческим меркам стремительно продвигаются к заключительной схватке. Одержав победу в «холодной войне» Запад уверовал в возможность окончательно уничтожить главного геополитического противника Россию уже на военном, а не идеологическом поле боя. Основным средством достижения цели на начальном этапе войны в качестве тарана была выбрана Украина.

За период жизни всего одного поколения на этой территории национальная идентичность народов Украины была в корне изменена и «братская» Украина была превращена в крайне нацио-

налистическую, шовинистическую, русофобскую платформу, с готовностью двинувшуюся по команде зарубежных хозяев на страну, благодаря которой она и появилась в своё совсем недавнее время.

Государственный «майданный» переворот, волеизъявления людей в Крыму, Луганской и Донецкой Народных Республиках, специальная военная операция и последние события актуализировали проблему исследования политических процессов последних десятилетий, инструментов, с помощью которых англосаксам удалось совершить то, что ещё совсем недавно казалось невероятным и невозможным.

Очевидно, что дело не только во всеобъемлющей финансовой и военной помощи Украине и уже непосредственном участии этой страны в дея-

тельности Североатлантического альянса, на что авторы обращали внимание ещё в период попыток России добиться реализации Минских соглашений [см., напр., 1, 2].

Для того, чтобы понимать события настоящего времени и разобраться в причинах такого стремительного преобразования идентичности, политической культуры большой по меркам Европы и по населению, и по территории страны, следует обратить внимание на один из важнейших инструментов, использованных Западом в решении сложной задачи, – на стратегическую культуру. Тем более это важно в условиях беспрецедентной по масштабу, накалу и объёму информационной войны планетарного масштаба, развёрнутую Западом против Российской Федерации, Республики Беларусь и в целом против Союзного государства России и Беларуси.

Процесс научной разработки теории стратегической культуры был начат в рамках теории политической культуры с гипотезы о возможности формирования необходимой для государственной власти стратегической культуры с помощью государственных инструментов.

Этапы эволюции теории стратегической культуры

В процессе анализа тенденций развития научного знания в области разработки теории стратегической культуры авторы разделяют мнение Онура Эрпула (Onur Erpul), Аластера Иэна Джонстона (Alastair Iain Johnston), Джона Гленна (John Glenn), Колина Грея (Colin S. Gray), Кена Бута (Ken Booth), которые в своих работах отмечали, что предпосылки разработки концепции стратегической культуры складываются во время Второй мировой войны, что нашло свое выражение в форме исследования национальных стилей в стратегическом планировании в сфере национальной безопасности.

На этом *первом этапе* исследования были направлены на изучение географических и исторических контекстов формирования и реализации национальных стратегий государств с целью выявления тенденций и особенностей поведенческих стилей элиты, представлявшей институты

и службы безопасности. Соответствующая линия исследований не получила углубленной проработки и развития, став объектом критики за стереотипность исходных оснований и определенный этноцентризм.

С наступлением эпохи ядерного сдерживания в стратегических исследованиях усиливается ориентация на подход, основанный на формальном моделировании конкурентных отношений между региональными акторами в рамках теорий рационального выбора, теории игр, что было характерно скорее для реализма как базового направления в теории международных отношений.

Реализм, как основа политического исследования стратегической культуры, основывается на этом этапе на методологии структурно-функционального анализа и институционализма, дополняемых элементами бихевиоралистского и конструктивистского подходов.

В завершённом виде такой вектор исследования стратегической культуры оформляется в конце 70-х годов XX века.

Реальность ядерной вооружённой конфронтации делала такой переход обоснованным. Вместе с тем, оставались опасения, что теория игр не даст достаточных оснований для понимания характера современных национальных стратегий различных стран.

В 1977 году Джек Снайдер (Jack Snyder) ввел термин «стратегическая культура» в исследование советской ядерной стратегии. Снайдер акцентировал внимание на том, что ни советские, ни американские стратеги не относятся к сторонникам теории игр, свободным от культуры и предубеждений, что по сути бросало вызов доминировавшим в то время взглядам на стратегические исследования.

Доклад Джека Снайдера для Корпорации «РЭНД» «Советская стратегическая культура: последствия для ограниченных ядерных операций» преследовал цель дополнить существующие исследования анализом организационной культуры (и субкультуры) советских руководителей.

Снайдер определил стратегическую культуру как совокупность идеалов, условных эмоциональных реакций и моделей привычного поведения, которые члены национального стратегического сообщества приобретают посредством обучения или имитируют таковые, демонстрируя или в действительности, занимая общие позиции в отношении ядерной стратегии. Важно отметить, что Снайдер рассматривал стратегическую культуру не как нечто глубоко укорененное в истории, а как приобретаемое в рамках государственных институтов [3; 4, Р. 3-10].

Кен Бут (Ken Booth), поддерживая взгляды Снайдера, утверждал, что американоцентричным теориям не хватает культурного измерения для понимания стратегии [5].

По существу, такую концептуальную линию авторы рассматривают как следующий шаг в направлении неоинституционального подхода в исследовании проблемы с особым акцентом на его культурологической и поведенческой составляющих, установлением последних в качестве перспективного вектора научного анализа.

Этот акцент получил развитие в работах такого представителя первого поколения исследователей стратегической культуры, как Колин Грей (Colin S. Gray). Хотя на этом этапе ключевой проблематикой оставалась проблематика стратегий ядерного сдерживания и национальных стилей стратегического планирования, во многих из этих исследований делалась попытка определить культурный контекст, в котором политики рассматривают ядерные стратегии своих стран.

К. Грей также опирался на идеи Снайдера об американской стратегической культуре, утверждая, что «стратегическая культура обеспечивает среду, в которой обсуждаются стратегические идеи и решения в области оборонной политики» [6, Р. 22].

У Колина Грея стратегическая культура предстает не столько как производная – некая результирующая процесса социализации представителей истеблишмента, сколько как устойчивый культурный контекст этого процесса, среда, форми-

рующая акторов как носителей национальной стратегической культуры.

Грей утверждал, что культура и поведение – два неразделимых явления. Согласно Грею, культура влияет на поведение государства, в то время как поведение также формирует культурную среду, в которой разрабатывается стратегия.

Таким образом, Колин Грей исходил из того, что каждая система обеспечения безопасности имеет свой собственный культурно-исторический контекст, который социализирует стратегических акторов, побуждая их вести себя определенным образом [6, Р. 19].

Второй этап. В онтологическом отношении второй этап исследований стратегической культуры основывался преимущественно на идеях и принципах критического конструктивизма, позиции которого в этой сфере научного анализа укрепляются в 80-е – 90-е годы XX века.

В качестве ярких представителей этой линии возможно рассматривать Бредли Клейна (Bradley Klein), Роберта Лукхэма (Robin Luckham) [см., напр., 7,8].

Поколение теоретиков стратегической культуры, появившееся в конце 1980-х, критически отнеслось к исходному пониманию стратегической культуры, начав с предположения, что существуют различия между тем, что, по словам лиц, принимающих решения, они делают, и более глубокими мотивами того, что они делают реально.

Б. Клейн, например, сосредоточился на анализе обеспечения легитимности политических решений и действий, утверждая, что стратегическая культура устанавливает «широко распространенные установки на насилие и способы, с помощью которых государство может законно применять насилие против предполагаемых врагов» [9 Р.136].

Ключевым концептом конструктивистских исследований стратегической культуры выступает инструментальность. Объектом исследования Клейна становится стратегическая культура американской элиты и аспект формирования в ее мировосприятии идеи американского гегемонизма.

В основе конструирования соответствующего дискурса – интересы элиты как субъекта политики в сохранении власти, собственной «гегемонии». Конструируемый дискурс, согласно Клейну, имеет тенденцию закрепляться в мифах, используемых в качестве инструментов, формирующих в долгосрочной перспективе линию стратегического мышления и поведения новых поколений политической элиты.

В соответствии с логикой Клейна, стратегическую культуру формируют не исторические или социально-политические контексты, она конструируется сообразно интересам субъектов политики.

Во время президентской избирательной кампании в США 2024 года с одной стороны всеми средствами массовой информации поддерживался миф о самой демократичной стране мира, а с другой – претенденты на пост главы государства, не выбирая подчас политкорректных выражений, невольно раскрывали сущность и содержание современной американской политической власти, политической системы, политического режима и национальной стратегической культуры.

Ярким подтверждением правоты подобных выводов является Украина, в интересах правящей верхушки заменившую общую славянскую историю на мифы и фантазии, сочинённые под диктовку зарубежных хозяев страны. Так пособники оккупантов времён Великой Отечественной войны стали национальными героями, а памятники советским героям, в числе которых тысячи украинцев, были низвергнуты.

Особое значение приобретает конструирование особого языка общения с общественностью как инструмента информационной политики по ретушированию реальных целей и практики ядерной стратегии США, обеспечения ее восприятия общественностью как приемлемой.

Явным достижением американцев здесь можно считать тот факт, что современные поколения в Японии считают, что города Нагасаки и Хиросима были уничтожены советскими ядерными бомбами.

Несмотря на сходство предмета исследования (стратегическая культура элиты, ядерная стратегия), отличие первого и второго поколений исследователей стратегической культуры состоит в отходе второй волны исследований от преимущественно институционального акцента с его классическими представлениями о роли государства и его безопасности.

Очевидным становится также смещение акцентов в сторону конструктивизма и интерпретивной методологии с их углублением в проблему идентичности и политических интересов элиты, а также секьюритизации элитами вопросов реальной политики.

Исходной посылкой конструктивистских исследований становится идея, согласно которой структура идентичности политических акторов (и, следовательно, стратегическая культура) конструируется интерсубъективно. [9, Р. 138-144; 10, Р. 55-56].

Третий этап. Исследования третьей волны отличаются большей эклектичностью и методологическим многообразием (Alastair Johnston, Michael C. Desch и другие).

Эта волна исследований стратегической культуры формировалась на рубеже XX и XXI веков, когда наблюдалось снижение влияния детерминизма структуралистских теорий, лежащих в основе реалистических трактовок стратегической культуры периода первой волны исследований и рост влияния конструктивистских подходов с их акцентом на идентичности и предпочтениях политических акторов.

Один из представителей третьего поколения Аластер Джонстон (Alastair Johnston) обратил внимание на то, что он считал недостатками предыдущих поколений. Он критиковал, в частности, предположение первого поколения о том, что культура влияет на поведение, и наоборот, за тавтологичность.

С одной стороны, пытаясь объяснить поведение только культурой как «независимой» переменной, первое поколение было чрезмерно детерминированным. По мнению Джонстона, культура не всегда определяет один и тот же тип

поведения, поскольку на поведение могут влиять и другие факторы [см., напр., 11].

Отход от детерминизма в то же время сопровождался поиском новых методологических оснований исследовательских программ. Теоретический и методологический поиск осуществляется в этот период в рамках критического переосмысления предшествующих подходов, что способствовало его продвижению в направлении неореализма.

Джонстон утверждал, что стратегическая культура, подобно общей национальной культуре, является идеологической средой, которая ограничивает выбор поведения. Кроме того, он высказал предположение, что именно из этих ограничений возможно сделать конкретные прогнозы относительно стратегического выбора государства.

Джонстон определяет стратегическую культуру как интегрированную систему символов (т.е. структур аргументации, языков, аналогий, метафор и т.д.), которая служит для установления всеобъемлющих и долгосрочных стратегических предпочтений путем формулирования концепций роли и эффективности военной силы в межгосударственных политических делах и придания этим концепциям такого ореола достоверности, который стратегические предпочтения кажутся исключительно реалистичными и эффективными [12, Р. 36].

Джонстон отмечает три культурных элемента, которыми обладают носители стратегической культуры (главы государств, министры, высокопоставленные государственные служащие и другие представители элиты). Анализируя эти элементы, можно довольно точно определить основные особенности стратегической культуры страны:

- 1) неизбежность конфликта;
- 2) эффективность насилия;
- 3) характер международной системы (с нулевой или положительной суммой).

В зависимости от того, как носители оценивают эти элементы, стратегическая культура определяет выбор между идеальной политикой (*Idealpolitik*) и реальной политикой (*Realpolitik*).

Таким образом, *Idealpolitik* характеризуется стратегической культурой, которая рас-

сматривает международную политику как игру с положительной суммой, а насилие – как неэффективное средство продвижения интересов, и отсюда следует вывод, что конфликтов можно избежать.

Культура *Realpolitik* предполагает противоположные оценки и подходы.

В то время как носители идеальных политических убеждений, как правило, предпочитают стратегии приспособления и сотрудничества, то носители реальных политических убеждений, как правило, предпочитают конфронтационные и жесткие/принудительные стратегии принуждения [см., напр., 12].

Военное участие в таком случае рассматривается как функция стратегической культуры, и военное участие определяется в двух измерениях: количественном и качественном.

Количество определяется как готовность использовать военное присутствие в качестве способа разрешения конфликта. Качество определяется как характер и уровень военного развёртывания, такого как наблюдение, учебные или боевые миссии.

Здесь выдвигается гипотеза, что идеальная политическая культура снижает готовность предоставлять войска для участия в военных операциях (количество), в то же время повышая готовность участвовать в небоевых миссиях (качество).

Культура реальной политики повышает готовность предоставлять войска для участия в военных операциях (количество), а также повышает готовность участвовать в боевых миссиях (качество).

Это означает, что стратегическая культура идеальной политики способствует снижению количества и качества военных операций, а стратегическая культура реальной политики способствует повышению и количества, и качества военных операций [13].

Новизна исследований третьей волны состояла в различении и обосновании разных типов стратегической культуры и соответствующего стратегического мышления и поведения акторов. В силу этого находит применение компаративный

анализ, используемый для сравнения концепций различных типов стратегической культуры.

Все эти изменения в методологических подходах научно-исследовательских программ сопровождались неизбежными научными дискуссиями, которые возможно трактовать как дебаты между интерпретативистским и позитивистским подходами, между традиционно доминирующей структуралистской реалистической парадигмой и формирующейся конструктивистской [см. 10, Р. 56-57; 12; 14, Р.148; 15].

Один из авторов предпринимал значительные усилия по исследованию отдельных аспектов проблемы, издав в 2004 году монографию «Микрополитика» [16].

Дэррил Хьюлетт (Darryl Howlett) отмечал, что в XXI веке на основе современных исследований формируется новый стратегический культурный анализ, опирающийся на новые теоретические традиции, и в большей мере ориентирующийся на решение практических вопросов политики, актуальных для XXI века [17, Р. 15-16.].

Четвертый этап. Как результат, появилось четвертое поколение исследователей, основанное на подходе Джонстона, но в то же время опирающееся на идеи социального конструктивизма.

Критическое переосмысление теоретических и методологических достижений предшествующих трех поколений исследований стратегической культуры и развернутая в связи с этим дискуссия имели результатом установление консенсуса относительно базового определения стратегической культуры, под которой понимается совокупность «общих убеждений, предположений и моделей поведения, основанных на общем опыте и принятых представлениях (как устных, так и письменных), которые формируют коллективную идентичность и отношения с другими группами, и которые определяют соответствующие цели и средства для достижения целей безопасности» [17, Р. 3].

В отличие от предыдущих поколений, такие ученые, как Алан Блумфилд, Бен Элтам, Алекс Бернс, Тамир Либел (Alan Bloomfield, Ben Eltham, Alex Burns, Tamir Libel) уделяли больше внимания

изменениям в стратегической культуре и конкурирующим субкультурам внутри государства [18-21].

Особенности и изменение стратегической культуры отдельных стран

Изменения в стратегической культуре возможны, но, как правило, происходят медленно. В качестве источников изменений определяются различные факторы, такие как технологические изменения; новый опыт, часто после травмирующей войны; внутренние политические факторы, включая идеологические изменения; комбинации различных источников.

Так, Джонатан Трапп (Jonathan Trappe) и Фредрик Доузер (Fredrik Doezer), обращаясь к проблеме изменения в стратегической культуре показывают, что немецкая стратегическая культура медленно и нелинейно менялась после окончания холодной войны и сегодня оказывает ощутимое влияние на решение Германии принимать участие в военных акциях НАТО.

Политика безопасности Германии, отмечают Д. Трапп и Ф. Доузер, также претерпела значительные и, возможно, нелинейные изменения, поскольку политика безопасности страны после окончания холодной войны менялась от прошлых идей пацифизма к новым идеям активизма, препятствуя любому плавному переходу от одного этапа к другому.

С одной стороны, Германия постепенно взяла на себя более активную роль в развертывании бундесвера (вооруженных сил Германии), например, в Сомали, бывшей Югославии, Афганистане, Конго, Ливане, операции «Аталанта», Мали и глобальной коалиции против «Исламского государства».

В ходе операции натовских войск против Союзной Республики Югославии в 1999 году немецкие солдаты впервые со времен Второй мировой войны активно участвовали в боевых действиях.

Ещё до начала специальной военной операции на Украине по состоянию на октябрь 2021 года более 2500 немецких солдат были

задействованы в 13 «миссиях» по всему миру. Федеративная Республика Германия стала брать на себя различные обязательства и играть более значимые роли в операциях, разрабатываемых Европейским Союзом (далее – ЕС), Организацией Североатлантического договора и Организацией Объединенных Наций (далее – ООН).

С другой стороны, несмотря на проведение наступательных боевых операций в Югославии, а затем и в Афганистане, Германия, по мнению этих немецких исследователей, по-прежнему отдавала предпочтение небоевым миссиям, таким как наблюдение, материально-техническое обеспечение, обучение, поддержка или разведывательные операции. Германия отказалась участвовать в таких операциях, как вторжение Соединенных Штатов Америки в Ирак, интервенция НАТО в Ливию и европейские усилия по обеспечению безопасности морской торговли в Ормузском проливе.

Таким образом, хотя политика безопасности Германии изменилась, страна по-прежнему, по мнению исследователей, неохотно прибегает к применению силы (по сравнению с другими европейскими державами, такими как Великобритания и Франция), имея весьма неоднозначный опыт участия в международных военных операциях.

Проведенные учёными наблюдения показали как изменения, так и преемственность в немецкой стратегической культуре, что согласуется с недавними исследованиями на эту тему, в которых общей темой является, по мнению и других экспертов, сохраняющееся нежелание немцев применять силу [см., напр., 22].

Представленные Траппом и Доузером результаты количественного анализа изменений стратегической культуры Германии с точки зрения перехода от идеальной политики к реальной в период с 1990 по 2017 год, а также того, в какой степени стратегическая культура повлияла на военные действия Германии за рубежом, показывают, что стратегическая культура Германии постепенно менялась после окончания холодной войны. Но не до такой степени, чтобы она

отказалась от своей прежней нерешительности в отношении применения силы. Стратегическая культура страны менялась нелинейным образом, переходя от идеальной политики к реальной и обратно, достигая с 2001 года довольно сбалансированного состояния между ними, хотя степень реализма политики уже к 2017 году становится значительно выше, чем в начале 1990-х годов.

Траппом и Доузером продемонстрировано, что культура оказывает значимое влияние на стратегическое поведение немцев. Тем не менее, стратегическая культура представляется, считают они, лишь одним из факторов, влияющих на военное присутствие Германии за рубежом [23].

Но активность ФРГ в поддержке Украине не подтверждает достоверность выводов этой группы ученых, даже несмотря на отказ федерального канцлера О. Шольца передавать Украине ракеты дальнего радиуса действия. Германские артиллерийские системы, танки «Леопард», бронемшины, стрелковое вооружение, военное снаряжение и финансовая поддержка наряду с крайне агрессивной политической риторикой политической элиты – это практически прямое участие ФРГ в войне с Россией.

В 2023 году вышла в свет Стратегия национальной безопасности Федеративной Республики Германия (далее – СНБ-23). Оценивая Стратегию и политику безопасности Германии в более широком контексте, как ретроспективном, так и перспективном, В.К. Белозеров обращает внимание на то, что в документе представлено положение Германии в Европе и в мире посредством изложения:

- 1) идентичности в сфере политики безопасности;
- 2) ценностей и интересов;
- 3) окружающего пространства безопасности.

Учёным отмечено выстраивание политической идентичности Германии на противодействии России, которая, согласно позиции и прогнозу разработчиков стратегии, «на обозримый период остаётся самой большой угрозой для мира и безопасности в евроатлантическом пространстве».

В.К. Белозеров подчеркивает, что изложенная в СНБ-23 характеристика идентичности Германии в сфере политики безопасности представляется идеологически и ситуативно детерминированной. Фактически она строится на германском восприятии истории, причём весьма избирательном.

Опубликование СНБ-23 Германии исследователь расценивает как очередной этап эволюции политики безопасности Германии и переход ее стратегической культуры от идеи комплекса вины к глобальным претензиям, напомнив о выступлении Олафа Шольца на экстренном заседании Бундестага 27 февраля 2022 года, в котором были провозглашены смена эпох и резкое наращивание Германией военных возможностей [24].

Изменение стратегической культуры Германии и формирование ее новой геостратегической идентичности в условиях сдвигов в евро-атлантической архитектуре безопасности рассматривается Т.В. Арзамановой в рамках многофакторного анализа, результаты которого позволили констатировать масштабную ревизию концептуальных аспектов германской внешней политики и политики безопасности, легитимации ремилитаризации Германии.

Такая трансформация, отмечает Т.В. Арзаманова, происходит в условиях отсутствия устойчивого консенсуса относительно нового курса на уровне элит, принимающих решения, и гражданского общества.

И если в XX веке немецкому общественному сознанию «прививали» культуру пацифизма и самоограничения, то теперь Берлину требуется трансформировать свою декларативную готовность к лидерству в стратегическую концепцию «ответственности через действия», подчеркивает исследователь.

Переориентация общественного сознания Германии предполагает коррекцию подхода к продвижению новой концепции в пользу стратегического видения:

– формирование в стране соответствующей стратегической культуры; глубоких ментальных изменений на уровне общества;

– переосмысление отношения к бундесверу как важной составляющей определения новой идентичности.

Свой прогноз Т.В. Арзаманова дополняет акцентом на необходимости учитывать в контексте современного информационного общества значимость корректного внешнеполитического анализа ситуации, а также неизбежность развёртывания информационных и пропагандистских войн, способствующих усилению антагонизма и разделению мира на «своих» и «чужих».

В условиях возрастающего противостояния держав, предупреждает исследователь, это чревато рисками возвращения к логике их системного противостояния [25].

Рассматривая изменение стратегической культуры Германии также через призму первой в истории страны Стратегии национальной безопасности Б.О. Корепанов и Н.В. Левандовский делают выводы о ее роли в формировании стратегической культуры ФРГ.

Стратегия символизирует, констатируют авторы, кульминацию кардинального ухудшения взаимоотношений с Российской Федерацией, начавшегося в 2014 году, и характеризуется реваншистскими настроениями и радикальным ужесточением соответствующей риторикой. Немецкое государство впервые официально объявляет Россию самой значительной угрозой миру и безопасности стран коллективного Запада. (авторы посчитали возможным ещё раз обратить внимание на явную угрозу в адрес Российской Федерации со стороны побежденного восьмидесят лет врага).

Новая стратегическая культура Германии находится под серьёзным влиянием американской стратегической культуры и, как следствие, атлантизма, отмечают исследователи. В то же время немецкие элиты выражают призрачную надежду на некоторую автономию Европейского Союза в неопределённой перспективе. Это может произойти, когда ключевой союзник по НАТО в лице США после столь желанного европейцами поражения России начнёт свой «крестовый поход» против Китая в Азиатско-Тихоокеанском

регионе. Возможно тогда Европе будет позволено обеспечивать свою безопасность самостоятельно как европейской опоре НАТО, вернув тем самым некую иллюзию суверенитета под протекторатом США.

Факты говорят о том, приходят к выводу аналитики, что немецкое правительство руководствуется в своей внешнеполитической деятельности национальными интересами США. Данный процесс не изменится в долгосрочной перспективе и будет способствовать дальнейшему обострению межгосударственного противоборства, что необходимо учитывать при планировании управления национальной обороной Российской Федерации [26].

С позиций теории стратегической культуры и с акцентом прежде всего на культуралистском подходе в исследованиях безопасности предлагает обсудить и выявить корни израильской стратегической культуры и охарактеризовать ее изменения Итамар Риквер (Itamar Rikover).

Стратегическую культуру он формулирует как интегрированную систему ценностей, символов и практик (норм, процедур и традиций), которые определяют поведение в области политики и безопасности на длительный период времени.

В основе исследования характеристик стратегической культуры Израиля сравнительный анализ изменений между современной израильской стратегической культурой и ранней стратегической культурой страны.

Определение характеристик стратегической культуры базируется на изучении нескольких факторов: роль войны в глазах общества; то, как общество видит отношения с противником; восприятие эффективности применения силы; военная практика (нормы, процедуры и традиции), накапливающаяся с годами и регулирующая отношения между странами; взгляды и установки различных элит.

Итамаром Риквером разработаны три показателя, которые рассматриваются как отражающие стратегическую культуру:

- 1) символы и образы;
- 2) милитаризм;

3) система норм, традиций и процедур, которые регулируют правила поведения между военными и политическими институтами.

Синергия всех факторов в совокупности и создает, считает И. Риквер, стратегическую культуру государства, которая не сводится просто к сумме компонентов.

Изучая динамику исследуемых факторов И. Риквер раскрывает процесс развития стратегической культуры Израиля и её постепенное, как считает исследователь, превращение в активистско-наступательную стратегическую культуру [27].

Вместе с тем, с первых дней существования еврейского государства оно осуществляет агрессивную военную политику в отношении соседних арабских государств, периодически начиная и практически не заканчивая военные действия против них. Вторая половина 2024 года показывает, что израильская стратегическая культура уже в нескольких поколениях её граждан является по своему содержанию милитаристской. Да и остальные два компонента, сформулированные израильянином, только подтверждают такое содержание.

Хотя стратегическая культура может оставаться статичной в течение многих лет, даже десятилетий, она тем не менее может резко измениться в результате событий или других трансформационных воздействий.

Убедительным примером служит деформация украинской стратегической культуры на этапе перехода от советского типа к национальной, в большей степени националистической в рамках всего одного поколения. На это обращали внимание такие отечественные учёные, как Т.А. Алексеева, Д.А. Зеркаль, Р.С. Мухаметов и другие, включая авторов [см., 27-32].

Такого рода события, подчеркивает Дэррил Хьюлетт, имеют ключевое значение для понимания отдельных типов стратегической культуры, динамики региональной и глобальной безопасности [Howlett D., 17, P. 15-16].

Прогноз Д. Хьюлетта о перспективах развития стратегической культуры и влиянии конкретных

политических процессов и событий на статистику и динамику отдельных ее типов подтверждают в своих выводах австралийские исследователи Марк Бисон (Mark Beeson) и Алан Блумфилд, (Alan Bloomfield), представленных ими на основе анализа тенденций современной динамики стратегической культуры Австралии [33, Р. 18-20; 34, Р. 64].

Особенность нового современного этапа развития научно-исследовательских программ (далее – НИП) состоит в том, что их разработка проходит в условиях, когда целый ряд субъектов глобальной политики как носителей различных типов стратегических культур, с одной стороны, и собственно глобализация, с другой стороны, кардинально меняют среду безопасности.

Изменение стратегической культуры под влиянием угроз и рисков глобализации

Если в рамках НИП трех предшествующих поколений исследований стратегической культуры исходной посылкой служило понимание контекста, в котором они развивались, то в настоящее время уже четвертое поколение учёных и экспертов в области безопасности сосредоточено на динамике изменения стратегической культуры под влиянием угроз и рисков глобализации и конкретных событий.

На основе теории стратегической культуры как аналитического инструмента идет накопление данных исследований как источника формирования эмпирического базиса, который в перспективе станет фактором выхода на новый теоретический уровень понимания стратегической культуры и ее влияния на безопасность.

Так, Ким Вийня (Kim Wijnja) определив в качестве глобальных рисков гибридные угрозы, в частности эпидемия Covid-19, сравнивает подходы Финляндии, Германии и Нидерландов к противодействию гибридным угрозам с учетом их стратегической культуры. С одной стороны, страны довольно схожи в выявлении гибридных угроз и реагировании на гибридные атаки, а это Вийня объясняет природой гибридных угроз.

С другой стороны, исследователь показывает, что страны по-разному подходят к проти-

водействию гибридным угрозам с точки зрения организации безопасности и масштабов мер, принимаемых для сдерживания.

Эти различия трактуются как коренящиеся в основном в исторических, институциональных и политических процессах.

К. Вийня приходит к выводу, что именно стратегическая культура – это контекст, который формирует, но не определяет в конечном счете, то, как Финляндия, Германия и Нидерланды противостоят гибридным угрозам.

Результаты анализа, подчеркивает исследователь, свидетельствуют о том, что нынешнего понимания стратегической культуры недостаточно для описания и объяснения политики обеспечения безопасности в современной среде безопасности, что делает необходимым дальнейшую проработку концепции стратегической культуры и рассмотреть ее более широко, включив в неё вопросы национальной безопасности и широкий спектр инструментов власти [35].

Концептуализация стратегической культуры, как относительно новой области исследований, является сама по себе вызовом для современной научной мысли, подтверждает и Велько Благоевич (Veljko Blagojevic).

Многослойность факторов стратегической культуры и их тесная взаимозависимость делают процесс её понимания и определения достаточно сложным.

Однако тот факт, что концепция стратегической культуры принята и используется на практике, подчеркивает исследователь, указывает на необходимость ее изучения, независимо от методологических проблем и недостатков, связанных прежде всего с доступностью к актуальным данным, относящимся к вопросам национальной безопасности.

Приоритетным направлением при этом определяется анализ основных аспектов стратегической культуры, которые влияют на систему национальной безопасности.

С одной стороны, стратегическая культура рассматривается как оказывающая долгосрочное

влияние на организацию и функционирование системы национальной безопасности.

С другой стороны, это также аналитический инструмент, который позволяет прогнозировать возможные сценарии и варианты поведения участников международной политики.

В. Благоевич отмечает также, что лица, принимающие решения на государственном уровне, высшее руководство системы безопасности, аналитики разведки и службы безопасности, а также высшие военные руководители, так или иначе имеют дело со стратегической культурой.

Эти три аргумента представляются исследователем как вполне достаточные, чтобы привлечь внимание научной и профессиональной аудитории к стратегическим исследованиям культуры [36].

Общий подход к рассмотрению стратегической культуры государства как совокупности интересующих идей, сформированных на основе традиций, практик, исторических нарративов и исторического опыта, «уроков», извлеченных из прошлого, которые формируют внешнюю политику государства, отмечает Молли Краснодембска (Molly Krasnodębska), в условиях возрастания рисков безопасности стал не вполне достаточным.

Приводя аргументы в пользу расширения концепции стратегической культуры, Краснодембска видит необходимость такого концептуального масштабирования за счет включения аспекта безопасности в онтологическом смысле.

К онтологическим потребностям в безопасности отнесены такие компоненты стратегической культуры, как стабильная идентичность и признание другими международными субъектами, которые так же важны для государств, как и потребности в физической безопасности.

Таким образом, в предложенном автором подходе стратегическая культура переосмысливается как набор исторически сложившихся идей и нарративов, которые формируют стремление государства к физической и онтологической безопасности и оказывают влияние на поведение элит и принимаемые решения в сфере международных

отношений прежде всего в вопросах безопасности [37].

Угрозы безопасности на региональном и национальном уровне западные аналитики связывают с рисками глобализации. Вместе с тем, совершенно очевидно, что ряд научных разработок не лишены политической ангажированности, идеологических установок и стереотипов.

Эти риски польские аналитики, например, видят ни в чем ином, как в сотрудничестве России и Китая на мировой арене. Подчеркнем со своей стороны, – в сотрудничестве, основанном в немалой мере и на реальных дружеских отношениях лидеров государств.

Такое сотрудничество не направлено против какой-либо третьей стороны, в отличие от типа сотрудничества в ЕС или НАТО или сотрудничества Франции и Польши против России, о котором открыто заявляет Туск.

Руководствуясь благой формулой о сотрудничестве и взаимозависимости как способствующих изменению культуры урегулирования споров и кризисов, Ежи Менкес (Jerzy Menkes) и Анжелика Кузнар (Andzelika Kuznar) видят проблемы глобального масштаба в том, что в условиях растущего неравенства Россия и Китай, как им видится, использовали протекционистские подходы в рамках свободной торговли (системы ВТО) для обеспечения беспопытной торговли.

Менкес и Кузнар, будучи обеспокоенными чрезмерной зависимостью своих стран от глобальных производственно-сбытовых цепочек, считают, что это привело к возможности шантажа и уязвимостям в сфере безопасности. Именно так оценена политика России и Китая в отношении своих региональных и глобальных соседей, и особую обеспокоенность у западного альянса вызывает углубление связей между двумя странами.

Ответом на меняющийся геополитический ландшафт со стороны западных союзников, полагают Менкес и Кузнар, может стать адаптация к новой реальности с использованием, в частности, концепции дружеских отношений. Выходя за рамки чисто производственных и торговых отношений, дружеские отношения становятся

стратегическим инструментом повышения устойчивости к глобальным рискам [38].

Примечательна в этом отношении апелляция и стремление к заимствованию к укоренённым в стратегических культурах современных России и Китая ценностям дружбы и сотрудничества. Вместе с тем, учитывая, что ценности дружеских отношений в реальности не укоренены в стратегических культурах западных стран, есть сомнения, что этот заимствованный инструмент покажет свою результативность в деятельности недружественных и враждебных России и Китаю стран.

В отличие от декларативности приведенных выше оценочных суждений относительно основ российско-китайского партнерства, взвешенными и обоснованными представляются выводы Лин Хиа (Lin Xia) относительно собственно самой природы конструктивной логики стратегического партнерства. Исследуя проблему с точки зрения конструктивизма и тезиса о четырех национальных идентичностях, Лин Хиа стремится выявить эндогенную динамику непрерывной модернизации и развития китайско-российского стратегического партнерства.

Обобщив на основе методов контент-анализа и тематического анализа результаты современных исследований стратегического партнерства, учёный отмечает, что в настоящее время в исследованиях стратегического партнерства наметился теоретический поворот.

Лин Хиа излагает историю развития китайско-российского стратегического партнерства и указывает на дилеммы и недостатки китайско-российских отношений в рамках конкретного сотрудничества.

В результате китайским исследователем сделаны следующие выводы:

1. Среди факторов, влияющих на международную политику и международные отношения, культура, взаимодействие и идентичность оказывают более глубокое влияние на международные отношения.

2. Конструктивизм определяет четыре типа национальной идентичности:

- индивидуальную или групповую идентичность;
- типовую идентичность;
- ролевую идентичность;
- коллективную идентичность.

Основываясь на этих четырех типах идентичности, Лин Хиа показывает, что Китай и Россия постоянно обновляют свою саморефлексию в процессе долгосрочного взаимодействия, и в то же время способствуют углублению взаимопонимания в ходе сотрудничества.

3. Четыре фактора, такие как однородность, взаимозависимость, общность судьбы и сдержанность в конечном итоге способствовали формированию коллективной идентичности российско-китайского стратегического партнерства.

4. Стратегическое партнерство как модель управления отношениями открывает новый взгляд на межгосударственное взаимодействие. Благодаря коллективной идентичности стратегического партнерства Россия и Китай гибко реагируют на кризисы, угрозы и вызовы, постоянно реорганизуются и перестраиваются, чтобы противостоять политике Соединенных Штатов [39].

В то же время, сохраняются факторы, ограничивающие углубление стратегического партнерства в направлении формирования полноценных военных союзов России с дружественными ей странами. В большей степени это факторы геополитического плана.

Лауро Борхес (Lauro Borges) связывает такие ограничения с географическими факторами, лежащими в основе стратегической культуры и определяющими общие тенденции и закономерности, пронизывающие внешнюю политику государств.

Сегодня стратегическая культура Китая определяется в первую очередь соображениями безопасности, связанными с морским окружением и блокадой со стороны США и их союзников в Индо-Тихоокеанском регионе.

В отличие от этого, обращает внимание Л. Борхес, основные проблемы безопасности России лежат на дальнем западе её европейской территории. Это отражает давнюю стратегическую культуру, на которую повлияли последова-

тельные вторжения на российскую территорию агрессоров из разных стран и нехватка естественных барьеров, препятствующих атакам на европейские центры России. Для России характерна стратегическая культура, ориентированная на европейскую часть Евразийского континента, отмечает аналитик.

Исследование Л. Борхес ориентировано на анализ влияния геополитических факторов стратегической культуры Китая и России на уровень укрепления военного партнерства между обоими государствами.

Опираясь на геополитическую теорию Сола Коэна и подход первого поколения к стратегической культуре с его акцентом на географическом факторе, исследователь утверждает, что географическая неоднородность, несхожие стратегические культуры и недостаточно совместимые приоритеты внешней политики препятствуют росту политической приверженности созданию полноценного военного союза между Китаем и Россией, несмотря на взаимное признание общей угрозы, которую они представляют со стороны Соединенных Штатов [40].

Общая угроза со стороны Запада, с одной стороны, создает условия для сближения позиций в вопросах региональной и национальной безопасности, но с другой стороны, различия стратегических культур формируют иные, отличные от всеобъемлющего стратегического партнерства модели взаимодействия. Одной из таких моделей возможно рассматривать взаимоотношения России и Ирана.

В аналитическом материале редакционной статьи журнала «Центрально-евразийские исследования» (*Journal of Central Eurasian Studies*) стратегическая культура определяется как продукт географии, истории и общих представлений страны, которые формируют ее доминирующее мировоззрение и определяют ее реакцию на вызовы и угрозы.

Стратегическая культура России классифицируется авторами статьи как результат пересечения политической, военной и экономической культур. Она коренится в географических и духовных пара-

метрах российской истории. Геополитика, авторитаризм, прагматизм и глобальная ответственность отнесены к основным источникам стратегической культуры России.

Политическое поведение и военная стратегия Ирана, подчеркивают авторы, также определяются его стратегической культурой, на которую влияют религиозная и политическая идеология, география, исторические корни и международная/региональная среда этой страны. В частности, шиизм является важным компонентом, оказывающим влияние на внешнеполитические решения Ирана. Учитывается также исторический опыт многовековой давности, оставивший современному Ирану в наследство глубокое чувство стратегической изоляции.

Конечными стратегическими целями Ирана отмечены сохранение национального суверенитета, достижение долгосрочного культурного, политического, экономического и военного развития и укрепление своей роли и влияния как региональной и глобальной державы с учетом размера, возможностей и исторического опыта Ирана.

Изучая влияние различий в стратегических культурах обеих стран на двусторонние и региональные отношения между Ираном и Россией после распада Советского Союза, исследователи выдвинули гипотезу согласно которой все эти особенности стратегических культур помешали созданию модели стабильного взаимодействия и стратегических отношений между Ираном и Россией после распада СССР.

В данной статье ирано-российские отношения рассмотрены в рамках теоретических основ стратегической культуры с использованием качественного метода и углубленного аналитического подхода.

По результатам исследования ключевым элементом стратегической культуры России определена ее долгая история войн и непростых отношений с Западом. Возрождение евразийства, политики в отношении ближнего зарубежья и наращивание военной мощи оцениваются как закономерный ответ на угрозы со стороны Запада, в частности.

В основе действий Ирана, обусловленных его стратегической культурой, лежат, отмечают авторы, стратегическая неопределенность, сдерживание и прагматизм.

Геополитика, прагматизм, исторический опыт и сдерживание Запада отнесены к общим компонентами стратегической культуры Ирана и России.

Отмечено также, что для понимания стратегической культуры двух стран следует принимать во внимание военные и внешнеполитические доктрины, а также позицию элиты в лице их лидеров и официальных лиц.

Анализ отношений между Ираном и Россией в рамках стратегической культуры дает возможность, подтверждают в своих выводах авторы, выявить недостатки складывающихся отношений и сформулировать всеобъемлющую стратегию и регулирование политики соседства для обеспечения национальных интересов и безопасности обеих стран.

Обоснованным представляется и общий вывод о том, что особенности основных компонентов стратегической культуры Ирана и России определяют различия в восприятии странами своих стратегических отношений.

Отношения между Ираном и Россией характеризуются как сближение, основанное на осторожном партнерстве. Угроза Запада обеспечила основу для сближения позиций Ирана и России, но антиамериканские позиции недостаточны для создания основы сотрудничества двух стран.

Согласно дискурсу Исламской революции, считают авторы аналитической статьи, установление стратегических отношений с Ираном создает угрозу интересам России на Ближнем Востоке. Приоритетом России являются отношения со странами, которые используют преимущества своего геополитического положения и военно-политического потенциала для взаимодействия с Западом. Поэтому Иран и Россия рассматривают друг друга как временных союзников для достижения своих целей, интересов и отражения угроз.

В этом контексте, считают исследователи, реализм и разделение интересов являются необходи-

мым условием для создания модели устойчивого взаимодействия между двумя странами [41].

Таким образом, концепция стратегической культуры является одним из основных инструментов формирования идентичности в интересах политической элиты, с одной стороны, и аналитическим инструментом исследования проблем безопасности, с другой.

К основным элементам стратегической культуры в рамках четвертого поколения исследования проблемы отнесена, в соответствии с определением Джонстона, совокупность общих убеждений, предположений и моделей поведения, основанных на общем опыте и принятых представлениях (как устных, так и письменных), которые формируют коллективную идентичность и отношения с другими группами, и которые определяют соответствующие цели и средства для достижения целей безопасности.

Многие новейшие исследовательские работы зарубежных аналитиков опираются на исходные положения концепции Джонстона.

Теоретическая разработка проблемы является одной из важнейших научно-исследовательских задач, что подтверждается повышением внимания к изучению стратегической культуры, особенно в кризисные периоды исторического и политического развития

В свое время в России не было по достоинству оценено значение этого инструмента и его возможная эффективность, особенно применительно к постсоветскому пространству, в отношении которого США и Западом велась системная работа по трансформации сознания национальных элит и общественного сознания через продвижение искаженных исторических нарративов посредством развертывания соответствующей системы образования и учебных программ, на первом этапе, и через развязывание информационной войны и иных инструментов гибридной войны, а в конечном итоге через создание реальных угроз национальной безопасности на втором этапе изменения стратегических культур этих стран.

В настоящее время идет активное накопление и формирование эмпирической исследователь-

ской базы как основы для дальнейшего развития основных положений теории стратегической культуры.

Список литературы

1. Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Стратегическая культура и риски сохранения идентичности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – № 4(20). – С. 4-10. – EDN VXOZXV.
2. Мусиенко Т.В., Лукин В.Н. Теории изменения ценностей и политика: традиционные и новые подходы // Credo New. – 2016. – № 3(87). – С. 11. – EDN WHXMOV.
3. Snyder J.L. The Soviet Strategic Culture Implications for Limited Nuclear Operations. – RAND, September 1977.
4. Snyder J.L. The Concept of Strategic Culture: Caveat Emptor / In: Strategic Power: The United States of America and the USSR. – London: MacMillan Press, 1990. – 519 p. (P. 3-10).
5. Booth K. The concept of strategic culture affirmed // Strategic Power: USA/Ussr. – 1990. – P. 121-128.
6. Gray C. National Style in Strategy: The American Example // International security. – 1981. – V. 6. – No 2. – P. 21-47.
7. Klein B. Hegemony and Strategic Culture: American Power Projection and Alliance Defense Politics // Review of international studies. – 1988. – V. 14. – No 2. – P. 133-148. – DOI: 10.1017/S026021050011335X
8. Luckham R. Armament Culture // Alternatives. – 1984. – V. 10. – No 1. – P. 1-44. DOI: 10.1177/030437548401000102
9. Klein B. Hegemony and Strategic Culture: American Power Projection and Alliance Defense Politics // Review of international studies. – 1988. – V. 14. – No 2. – P. 136. – DOI: 10.1017/S026021050011335X
10. Erpul O. Strategic Culture and Turkey // Foreign Policy. A Quarterly Journal of the Foreign Policy Institute. – 2014. – V. 41. – P. 51-66.
11. Johnston A.I. Thinking about strategic culture // International Security. – 1995. – V. 19. – No 4. – P. 32-64. DOI: 10.2307/2539119
12. Johnston A. I. Cultural realism: Strategic culture and grand strategy in Chinese history. – Princeton University Press, 1995. – V. 75. – 328 p.
13. Mi X. Mapping Continuity and Change in German Strategic Culture, 1999–2022 // German Politics. – 2023. – P. 1-27. – DOI: 10.1080/09644008.2023.2232308
14. Desch M.C. Culture Clash: Assessing the Importance of Ideas in Security Studies // International Security. – 1998. – V. 23. – No 1. – P. 141-170. DOI: 10.1162/isec.23.1.141
15. Desch M.C. The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / Peter J. Katzenstein ed. – New York: Columbia University Press, 1996. – 560 p.
16. Мусиенко Т.В. Микрополитика в современном мире. – СПб: Изд-во Наука, 2003. – 700 с.
17. Howlett D. The future of strategic culture // Report for the Defense Threat Reduction Agency, 2006. – 19 p.
18. Bloomfield A. Time to move on: Reconceptualizing the strategic culture debate // Contemporary security policy. – 2012. – V. 33. – No 3. – P. 437-461. DOI: 10.1080/13523260.2012.727679
19. Burns A., Eltham B. Australia's Strategic Culture: Constraints and Opportunities in Security Policymaking // Strategic Cultures and Security Policies in the Asia-Pacific. – Routledge, 2016. – P. 22-45. – ISBN: 9781315732183
20. Libel T. Explaining the security paradigm shift: Strategic culture, epistemic communities, and Israel's changing national security policy // Defence studies. – 2016. – V. 16. – No 2. – P. 137-156. – DOI: 10.1080/14702436.2016.1165595
21. Libel T. Rethinking strategic culture: A computational (social science) discursive-institutionalist approach // Journal of Strategic Studies. – 2020. – V. 43. – No 5. – P. 686-709. – DOI: 10.1080/01402390.2018.1545645
22. Gaskarth J., Oppermann K. Clashing traditions: German foreign policy in a new era // International Studies Perspectives. – 2021. – V. 22. – No 1. – P. 84-105
23. Tappe J., Doerer F. A machine learning approach to the study of German strategic culture // Contemporary Security Policy. – 2021. – V. 42. – No

4. – С. 450-474. DOI:10.1080/13523260.2021.1992150
24. Белозёров В.К. Германия конструирует стратегическую культуру // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 5(123). – С. 166-177. – DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177. – EDN PGWHLA.
25. Арзаманова Т.В. «Императив стратегической деконструкции»: изменение стратегической культуры и ментальности как рамочные условия формирования новой идентичности Германии // Актуальные проблемы Европы. – 2024. – № 1(121). – С. 173-195. – DOI 10.31249/ape/2024.01.09. – EDN UWAJXX.
26. Корепанов Б.О., Левандовский Н.В. Стратегия национальной безопасности Германии и ее роль в формировании новой стратегической культуры страны // Межгосударственное противоборство в условиях глобализации и его влияние на управление национальной обороной Российской Федерации, Москва, 16 августа 2023 года. – М.: Издательский Дом «УМЦ», 2023. – С. 254-271. – EDN VGXFLM.
27. Rickover I. The Roots of Israeli Strategic Culture // In book: Cultural Crossroads in the East Middle – Historical, Cultural and Political Legacy of Intercultural Dialogue and Conflict from Ancient Near East to Present Days. – Publisher: University of Tartu Press, 2019. – P. 246-277.
28. Мусиенко Т.В., Лукин В.Н. Украина: из кризиса или к коллапсу идентичности // Постояннодействующий круглый стол: История России и стран СНГ в научной литературе и СМИ: факты, события, интерпретации: материалы III круглого стола: «Украинский кризис и пути его преодоления». – СПб. СПбГЭУ, 2014. – С. 68-77.
29. Лукин В.Н. Европейский путь или украинский путь в Европу // Право, держава та громадянське суспільство в умовах системних реформ на шляху до євроінтеграції: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції, м. Дніпропетровськ, 21-22 листопада 2014 р. – Дніпропетровськ: Дніпропетровський гуманітарний університет, 2014. – С. 331-334.
30. Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 5. – С. 130-147. – EDN PBMERF.
31. Зеркаль Д.А., Мухаметов Р.С. Внешнеполитические приоритеты Евросоюза на Украине: между имиджем и realpolitics // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 7. – С. 134-140. – EDN RZONTV.
32. Мусиенко Т.В., Лукин В.Н. Формирование идентичности как государственная задача // Credo New. – 2018. – № 1(93). – С. 10. – EDN YQMIHA.
33. Beeson M., Bloomfield A. The Trump effect downunder: U.S. allies, Australian strategic culture, and the politics of path dependence // Contemporary Security Policy. – 2019. – V. 40. – No 3. – P. 335-361. – DOI: 10.1080/13523260.2019.1594534
34. Bloomfield A. Issues in Australian Foreign Policy // Australian Journal of Politics & History. – 2018. – V. 64. – No 4. – P. 641-656. – DOI: 10.1111/ajph.12513
35. Wijnja K. Countering hybrid threats: does strategic culture matter? Defence Studies // Defence Studies. – 2022. – V. 22. – No 1. – P. 16-34. – DOI: 10.1080/14702436.2021.194545
36. Blagojević V. Strategic culture and national security // Zbornik Matice srpske za društvene nauke. – 2019. – No 170. – P. 163-178. – DOI: 10.2298/ZMSDN1970163B.
37. Krasnodębska M., Krasnodębska M. Strategic Culture and the Quest for Ontological Security // Politics of Stigmatization: Poland as a 'Latecomer' in the European Union. – 2021. – P. 49-80. – DOI: 10.1007/978-3-030-51521-8_3.
38. Menkes J., Kuznar A. Friendshoring: A Strategic Pivot in Global Value Chain Management. July 2024. – DOI: 10.13140/RG.2.2.36738.90569.
39. Ся Л. Конструирование российско-китайского стратегического партнёрства с точки зрения национальной идентичности // Журнал политических исследований. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 110-123. – DOI 10.12737/2587-6295-2024-8-3-110-123. – EDN KCRCZN.
40. Lauro Borges. On the Geopolitical Origins of Strategic Cultures and Alliances: The Chinese-Russian Case // Conference: International Conference on

Economics, Business, Tourism & Social Sciences At: – Abu Dhabi and online. July 2022. URL.: https://www.researchgate.net/publication/362456208_On_the.

41. Valizadeh A., Kazemi S. The Influence of Strategic Culture Components on Bilateral and Regional Relations between Iran and Russia // *Central Eurasia Studies*. – 2022. – V. 15. – No 1. – P. 387-410. – DOI: 10.22059/jcep.2022.337629.450051.

References

1. Lukin V.N., Musienko T.V. Strategic culture and the risks of maintaining identity // *National security and strategic planning*. – 2017. – No. 4 (20). – P. 4-10. – EDN VXOZXV.

2. Musienko T.V., Lukin V.N. Theories of value change and politics: traditional and new approaches // *Credo New*. – 2016. – No 3 (87). – P. 11. – EDN WHXMOV.

3. Snyder J.L. The Soviet Strategic Culture Implications for Limited Nuclear Operations. – RAND, September 1977.

4. Snyder J.L. The Concept of Strategic Culture: Caveat Emptor / In: *Strategic Power: The United States of America and the USSR*. – London: MacMillan Press, 1990. – 519 p. (P. 3-10).

5. Booth K. The concept of strategic culture affirmed // *Strategic Power: USA/Ussr*. – 1990. – P. 121-128.

6. Gray C. National Style in Strategy: The American Example // *International security*. – 1981. – V. 6. – No 2. – P. 21-47.

7. Klein B. Hegemony and Strategic Culture: American Power Projection and Alliance Defense Politics // *Review of international studies*. – 1988. – V. 14. – No 2. – P. 133-148. – DOI: 10.1017/S026021050011335X

8. Luckham R. Armament Culture // *Alternatives*. – 1984. – V. 10. – No 1. – P. 1-44. DOI: 10.1177/030437548401000102

9. Klein B. Hegemony and Strategic Culture: American Power Projection and Alliance Defense Politics // *Review of international studies*. – 1988. – V. 14. – No 2. – P. 136. – DOI: 10.1017/S026021050011335X

10. Erpul O. Strategic Culture and Turkey //

Foreign Policy. A Quarterly Journal of the Foreign Policy Institute. – 2014. – V. 41. – P. 51-66.

11. Johnston A.I. Thinking about strategic culture // *International Security*. – 1995. – V. 19. – No 4. – P. 32-64. DOI: 10.2307/2539119

12. Johnston A. I. *Cultural realism: Strategic culture and grand strategy in Chinese history*. – Princeton University Press, 1995. – V. 75. – 328 p.

13. Mi X. Mapping Continuity and Change in German Strategic Culture, 1999–2022 // *German Politics*. – 2023. – P. 1-27. – DOI: 10.1080/09644008.2023.2232308

14. Desch M.C. Culture Clash: Assessing the Importance of Ideas in Security Studies // *International Security*. – 1998. – V. 23. – No 1. – P. 141-170. DOI: 10.1162/isec.23.1.141

15. Desch M.C. *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics* / Peter J. Katzenstein ed. – New York: Columbia University Press, 1996. – 560 p.

16. Musienko T.V. *Micropolitics in the modern world*. – St. Petersburg: Nauka Publishing House, 2003. – 700 p.

17. Howlett D. *The future of strategic culture* // Report for the Defense Threat Reduction Agency, 2006. – 19 p.

18. Bloomfield A. Time to move on: Reconceptualizing the strategic culture debate // *Contemporary security policy*. – 2012. – V. 33. – No 3. – P. 437-461. DOI: 10.1080/13523260.2012.727679

19. Burns A., Eltham B. *Australia's Strategic Culture: Constraints and Opportunities in Security Policymaking* // *Strategic Cultures and Security Policies in the Asia-Pacific*. – Routledge, 2016. – P. 22-45. – ISBN: 9781315732183

20. Libel T. Explaining the security paradigm shift: Strategic culture, epistemic communities, and Israel's changing national security policy // *Defence studies*. – 2016. – V. 16. – No 2. – P. 137-156. – DOI: 10.1080/14702436.2016.1165595

21. Libel T. Rethinking strategic culture: A computational (social science) discursive-institutionalist approach // *Journal of Strategic Studies*. – 2020. – V. 43. – No 5. – P. 686-709. – DOI: 10.1080/01402390.2018.1545645

22. Gaskarth J., Oppermann K. Clashing traditions: German foreign policy in a new era // *International Studies Perspectives*. – 2021. – V. 22. – No 1. – P. 84-105
23. Tappe J., Doeser F. A machine learning approach to the study of German strategic culture // *Contemporary Security Policy*. – 2021. – V. 42. – No 4. – C. 450-474. DOI:10.1080/13523260.2021.1992150
24. Belozеров V.K. Germany Constructs a Strategic Culture // *Russia in Global Affairs*. – 2023. – Vol. 21, No. 5 (123). – P. 166-177. – DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177. – EDN PGWHLA.
25. Arzamanova T.V. “The Imperative of Strategic Deconstruction”: Changes in Strategic Culture and Mentality as Framework Conditions for the Formation of a New Identity of Germany // *Actual Problems of Europe*. – 2024. – No. 1 (121). – P. 173-195. – DOI 10.31249/ape/2024.01.09. – EDN UWAJXX.
26. Korepanov B.O., Lewandowski N.V. National Security Strategy of Germany and its Role in the Formation of a New Strategic Culture of the Country // *Interstate Confrontation in the Context of Globalization and its Impact on the Management of National Defense of the Russian Federation*, Moscow, August 16, 2023. – M.: Publishing House “UMC”, 2023. – P. 254-271. – EDN VGXFLM.
27. Rickover I. The Roots of Israeli Strategic Culture // In book: *Cultural Crossroads in the East Middle – Historical, Cultural and Political Legacy of Intercultural Dialogue and Conflict from Ancient Near East to Present Days*. – Publisher: University of Tartu Press, 2019. – P. 246-277.
28. Musienko T.V., Lukin V.N. Ukraine: from crisis or to collapse of identity // *Permanent round table: History of Russia and the CIS countries in scientific literature and media: facts, events, interpretations: materials of the III round table: “Ukrainian crisis and ways to overcome it”*. – St. Petersburg. SPbGEU, 2014. – P. 68-77.
29. Lukin V.N. European path or Ukrainian path to Europe // *Law, state and civil society in terms of systemic reforms on the way to European integration: Materials of the international scientific and practical conference, Dnipropetrovsk, November 21-22, 2014*. – Dnipropetrovsk: Dnipropetrovsk Humanitarian University, 2014. – P. 331-334.
30. Alekseeva T.A. Strategic Culture: Evolution of the Concept // *Polis. Political Studies*. – 2012. – No. 5. – P. 130-147. – EDN PBMERF.
31. Zerkal D.A., Mukhametov R.S. Foreign Policy Priorities of the European Union in Ukraine: Between Image and Realpolitics // *Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies*. – 2014. – Vol. 7. – P. 134-140. – EDN RZONTV.
32. Musienko T.V., Lukin V.N. Formation of Identity as a State Task // *Credo New*. – 2018. – No. 1 (93). – P. 10. – EDN YQMIHA.
33. Beeson M., Bloomfield A. The Trump effect downunder: U.S. allies, Australian strategic culture, and the politics of path dependence // *Contemporary Security Policy*. – 2019. – V. 40. – No 3. – P. 335-361. – DOI: 10.1080/13523260.2019.1594534
34. Bloomfield A. Issues in Australian Foreign Policy // *Australian Journal of Politics & History*. – 2018. – V. 64. – No 4. – P. 641-656. – DOI: 10.1111/ajph.12513
35. Wijnja K. Countering hybrid threats: does strategic culture matter? *Defence Studies // Defence Studies*. – 2022. – V. 22. – No 1. – P. 16-34. – DOI: 10.1080/14702436.2021.194545
36. Blagojević V. Strategic culture and national security // *Zbornik Matice srpske za društvene nauke*. – 2019. – No 170. – P. 163-178. – DOI: 10.2298/ZMSDN1970163B.
37. Krasnodębska M., Krasnodębska M. Strategic Culture and the Quest for Ontological Security // *Politics of Stigmatization: Poland as a ‘Latecomer’ in the European Union*. – 2021. – P. 49-80. – DOI: 10.1007/978-3-030-51521-8_3.
38. Menkes J., Kuznar A. Friendshoring: A Strategic Pivot in Global Value Chain Management. July 2024. – DOI: 10.13140/RG.2.2.36738.90569.
39. Xia L. Constructing the russian-chinese strategic partnership from the perspective of national identity // *Journal of Political Research*. – 2024. – V. 8, No 3. – P. 110-123. – DOI 10.12737/2587-6295-2024-8-3-110-123. – EDN KCRCZN.
40. Lauro Borges. On the Geopolitical Origins of Strategic Cultures and Alliances: The Chinese-Russian Case // *Conference: International Conference on Economics, Business, Tourism & Social Sciences At: – Abu Dhabi and online. July 2022. URL.: https://www.*

researchgate.net/publication/362456208_On_the.

41. Valizadeh A., Kazemi S. The Influence of Strategic Culture Components on Bilateral and

Regional Relations between Iran and Russia // Central Eurasia Studies. – 2022. – V. 15. – No 1. – P. 387-410. – DOI: 10.22059/jcep.2022.337629.450051.

Статья поступила в редакцию 14 июля 2024 г.

Принята к публикации 21 сентября 2024 г.

Ссылка для цитирования: Лукин В.Н., Мусиенко Т.В., Хилл-Артамонова Е.В. Стратегическая культура как инструмент гибридной войны // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2024. № 3(47). С. 5-24. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2024-3-5-24>

For citation: Lukin V.N., Musienko T.V., Hill-Artamonova E. Strategic culture as a tool of hybrid warfare // National security and strategic planning. 2024. № 3(47). pp. 5-24. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2024-3-5-24>

Сведения об авторах

ЛУКИН ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных наук, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, ассоциированный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук – Социологического института РАН, России, действительный член Петровской академии наук и искусств, г. Санкт-Петербург, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2480-2353>

SPIN-код: 4157-3995

e-mail: lvn5555@mail.ru

МУСИЕНКО ТАМАРА ВИКТОРОВНА – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры управления и экономики, профессор кафедры философии и социальных наук, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, ассоциированный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук – Социологического института РАН, действительный член Петровской академии наук и искусств, г. Санкт-Петербург, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9658-1169>

SPIN-код: 2319-0146

e-mail: tvm7777@mail.ru

ХИЛЛ-АРТАМОНОВА ЕЛЕНА – доктор философии, кафедра психологии, здравоохранения и социальной помощи, Манчестерский столичный университет, Манчестер, Великобритания

e-mail: Elena_artamonova@hotmail.com

Information about authors

LUKIN VLADIMIR N. – Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinicheva, associate researcher at the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences – Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia, full member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts, St. Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2480-2353>

SPIN: 4157-3995

e-mail: lvn5555@mail.ru

MUSIENKO TAMARA V. – Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Economics, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, Associate Researcher of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences – Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Full member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts, St. Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9658-1169>

SPIN: 2319-0146

e-mail: tvm7777@mail.ru

HILL-ARTAMONOVA ELENA – PhD, Department of Psychology, Health and Social Care, Manchester Metropolitan University, Manchester, United Kingdom

e-mail: Elena_artamonova@hotmail.com